

Специфика историко-философского исследования в гуманитарных науках*

А. А. Львов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Львов А. А. Специфика историко-философского исследования в гуманитарных науках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 449–463. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.307>

Современная наука междисциплинарна, и знание добывается в тесном сотрудничестве специалистов самого разного профиля и компетенций. Философия оказывается эффективной в прояснении смысла тех или иных понятий, разграничении нормативного и эмпирического, определении того, касаются ли различия в позициях участников дискуссий словоупотребления или же они отличны по существу. Философы активно помогают развивать самые разные отрасли гуманитарных и общественных наук, они востребованы в науках о природе — при этом они признают, что несмотря на разнообразие направлений их исследований, для них самих объединяющим эти направления фактором является история философии. В обзорной статье мы рассматриваем вопрос о том, можно ли говорить о каком-то специфическом влиянии, оказываемом профессиональными историками философии на иные науки. Ограничившись рамками гуманитарного знания, мы прослеживаем, какие существуют направления в современном диалоге гуманитарных наук и историко-философских исследований, а также рассматриваем, какой вклад вносят историки философии в область исторических наук, в различные направления политических исследований, в гендерные исследования, антропологию, теологию и религиозную философию, а также в артикуляцию практического аспекта философии как образа жизни. Несмотря на то что история философии зачастую воспринимается как дисциплина вспомогательная, вклад историков философии в развитие смежных и не примыкающих непосредственно к философии гуманитарных наук существенен: с их помощью осуществляется реконструкция генеалогии смыслов, а концепты или идеи начинают проясняться по мере артикуляции родной для них культурной среды.

Ключевые слова: историки философии, генеалогия смыслов, гуманитарные науки, междисциплинарность, академическая философия, практическая философия.

Введение

Историко-философские исследования являются одной из важнейших областей деятельности в современной философии. Своеобразным подтверждением этого тезиса оказывается проведенный 8 ноября — 1 декабря 2009 г. опрос (The PhilPapers Survey) о том, каких взглядов придерживаются современные философы — пред-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

ставители разных стран и регионов мира. Участникам было предложено ответить на три десятка вопросов, связанных с определением их теоретических позиций [1]. В опросе приняли участие 1972 философа, представляющих 99 кафедр философии. Большая часть опрошенных оказались приверженцами аналитической традиции; это были представители 62 кафедр в США, 18 — в Великобритании, 7 — в Западной Европе (помимо Великобритании), 7 — в Канаде и 5 — в регионе Австралазии. Результаты опроса и анализ результатов были опубликованы Дэвидом Бурже и Дэвидом Чалмерсом 30 ноября 2013 г.

Обратим внимание на две позиции, касающиеся темы историко-философской работы. Во-первых, было предложено определить область специализации участников опроса, причем такой «рамочной конструкции», как история философии, представлено не было, а были заявлены списком пять эпох из истории западной мысли: философия XVII–XVIII вв., философия XIX в., философия XX в., философия Древней Греции, а также средневековая и ренессансная философия (проходящая одним пунктом). По условиям исследования можно было выбрать не одну, а несколько позиций, при этом учитывались также ключевые слова и идентификация самими философами своих работ, выложенных ими на сайте PhilPapers. Во-вторых, предлагалось ответить на вопрос, с именем какого из не живущих ныне философов X участник мог бы связать направление своих исследований или описать себя как X-ианца (*“For which nonliving philosophers X would you describe yourself or your work as X-ian, or the equivalent?”*). В списке персоналий, основанном на результатах исследования, проведенного философским блогом Leiter Reports, среди самых влиятельных философов за последние двести лет и всех времен, были представлены: Элизабет Энском, Фома Аквинский, Аристотель, Блаженный Августин, Джордж Беркли, Рудольф Карнап, Дональд Дэвидсон, Рене Декарт, Готлоб Фреге, Георг Гегель, Мартин Хайдеггер, Томас Гоббс, Дэвид Юм, Эдмунд Гуссерль, Иммануил Кант, Сёрен Кьеркегор, Готфрид Лейбниц, Дэвид Льюис, Джон Локк, Карл Маркс, Джон Стюарт Милль, Джордж Эдвард Мур, Фридрих Ницше, Платон, Уиллард Куайн, Джон Ролз, Жан-Жак Руссо, Бертран Рассел, Сократ, Барух Спиноза, Людвиг Витгенштейн (список приведен в оригинальной последовательности, которая по-английски была организована в алфавитном порядке). При этом участник опроса мог выбрать «инога» философа с ручным вводом имени (что оказалось не самой востребованной опцией) [1, p. 9].

По итогам обработки ответов (рис. 1) выяснилось, что самыми востребованными отраслями философских исследований (эти названия соответствуют названиям рубрик на ресурсе PhilPapers) у респондентов являются: метафизика и эпистемология (51,9%), аксиология (49,9%), наука, логика и математика (51,2%); история западной философии (49%) и философские традиции (43,6%). Из этого видно, что историко-философская проблематика оказывается весьма востребованной в среде профессиональных философов. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что на осознание современными философами своей профессиональной компетентности большое влияние оказывает историко-философская составляющая в их исследованиях. Конечно, не все выбравшие тот или иной период истории мысли в качестве своего профессионального интереса могут считаться историками философии; однако верно, по-видимому, что современным философам не чуждо историко-философское мышление, благодаря чему они специфически понимают те проблемы,

Metaphysics	234	Philosophy of Mind	191
Philosophy of Language	172	Epistemology	160
Normative Ethics	139	17 th /18 th Century Philosophy	107
Meta-ethics	102	Social and Political Philosophy	100
General Philosophy of Science	94	Logic and Philosophy of Logic	92
Ancient Greek Philosophy	64	Philosophy of Physical Science	61
Philosophy of Cognitive Science	56	Philosophy of Religion	47
Applied Ethics	44	Philosophy of Action	43
20 th Century Philosophy	42	Aesthetics	38
Philosophy of Biology	38	19 th Century Philosophy	37
Philosophy of Mathematics	35	Decision Theory	31
Philosophy of Law	28	Continental Philosophy	25
Metaphilosophy	21	Philosophy of Social Science	21
Philosophy of Probability	19	Philosophy of Gender, Race, and Sexuality	17
Medieval and Renaissance Philosophy	17	Asian Philosophy	10
Philosophy of Computing & Information	2	Philosophy of the Americas	2
African/Africana Philosophy	2		

Рис. 1. Распределение ответов респондентов по отраслям философских исследований [1, p. 13]

к решению которых приступают, а также оценивают то влияние, которое сами испытали.

Что касается упомянутого списка великих философов, то симпатии респондентов распределились следующим образом (см. рис. 2):

Hume	139	Aristotle	118
Kant	113	Wittgenstein	73
Frege	70	Lewis	69
Russell	61	Quine	61
Davidson	49	Carnap	45
Mill	42	Rawls	42
Plato	37	Locke	35
Moore	27	Spinoza	22
Nietzsche	21	Descartes	19
Leibniz	18	Hegel	16

Рис. 2. Двадцать представительных не живущих ныне философов, с которыми респонденты ассоциируют свое философское творчество [1, p. 14]

Конечно, мы видим преобладание мыслителей, оказавших непосредственное влияние на формирование и становление аналитической традиции в том виде, в каком мы знаем ее сегодня. И тем не менее нельзя игнорировать тот факт, что Платон и Аристотель, Локк и Спиноза, Декарт и Лейбниц по-прежнему являются ведущими мыслителями современности. Если мы посмотрим на карту цитирования, составленную аналитиками различных наукометрических систем, ситуация предстанет перед нами еще более наглядно (рис. 3).

Существуют и иные исследования, посвященные составу и структуре современной философии. Например, Максимилиан Нойкль в своей работе к 2019 г. продемонстрировал, какие статьи из различных журналов, зарегистрированных в си-

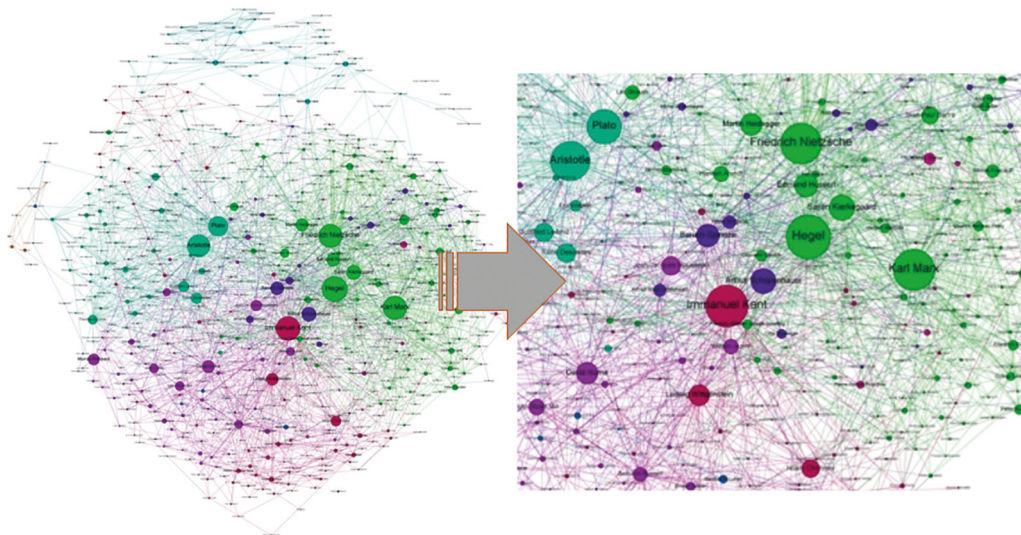

Рис. 3. Наиболее цитируемые философы по данным сайта Coppelja [2]

стеме цитирования Web of Science-Database, какие актуальные области философских исследований составляют. Исходя из представленной в данной статье схемы историко-философский интерес (особенно это касается истории античной и ранней новоевропейской философии) никуда не пропал и по-прежнему занимает видное место в системе интеллектуальных координат профессиональных философов [3].

Известно, что современное научное знание является по своему характеру междисциплинарным, и неудивительно, что в целом ряде исследовательских областей задействованы специалисты самого разного профиля и компетенций. Философы активно помогают развивать такие отрасли знания, как когнитивистика, лингвистика, экономика, гендерные исследования, антропология, культурология, политические науки, а также востребованы в целом ряде естественных наук (не говоря уже о разработке специальных проблем под рубрикой «философия науки и техники»). Однако возникает вопрос: если историко-философские знания оказываются востребованными самими философами, можно ли говорить о каком-то специфическом влиянии, оказываемом профессиональными историками философии на иные науки? Ведь если обусловленное историко-философскими перспективами и установками мышление философов позволяет развивать многие проблемные участки в этих науках, вполне возможно, что и историки философии как представители «чистого жанра» могут вносить свою лепту в развитие и преумножение научного знания. В этой статье мы проследим, какие существуют направления в современном диалоге гуманитарных наук и историко-философских исследований, ограничившись анализом активности историков философии в поле гуманитарных наук. Мы рассмотрим, в каких отраслях гуманитарного знания и каким образом историки философии вносят значимый вклад. И хотя мы не планируем выходить за рамки обзора актуальных источников и предлагать какие бы то ни было концептуальные обобщения или окончательные выводы, мы все же надеемся указать на наиболее

существенные достижения современных историков философии в бурно развивающейся, динамичной области знаний о человеке и обществе.

Специфика поисков историков философии в гуманитарных науках

Начнем с очевидного: историко-философские исследования нередко оказываются востребованными в пространстве исторического знания. Так, современные историки науки (хотя и относящиеся формально к ведомству тех наук, историей которых они занимаются) все чаще прибегают к глубоким историко-философским исследованиям. Очевидно, что рассмотрение истории античной науки невозможно без добротного анализа доктринальных аспектов той или иной философской школы. Этому способствует также и то, что работы филологов-классиков не всегда можно четко классифицировать как нефилософские; именно в этом и проявляется специфика изучения античности. Например, математические занятия и образовательный процесс в пифагорейском союзе предопределялись специфическими мировоззренческими установками, заложенными самим Пифагором, а для прояснения этого требуется тщательная реконструкция историко-философского контекста [4].

Вместе с тем история как наука, прошедшая школу скрупулезного изучения фактов, точной оценки свидетельств той или иной эпохи и утонченного филологического и лингвистического анализа [5], в наше время все чаще обращается к философии для построения концептуальных связей между исследуемыми событиями прошлого, а также для прояснения мифов, зарождающихся в складках ткани исторических нарративов. Обсуждая миф Просвещения — этого «основополагающего нарратива» современности, — Дэн Эдельштейн указывает, что его критика способствует осмыслению тех интеллектуальных стратегий, которые мы применяем как участники актуальных исторических событий [6, р. 118–117]. Историко-философское исследование оказывается, таким образом, проясняющим мышлением о настоящем, подкрепленным чисто фактологической базой науки истории. Не случайно поэтому таким частым определением подобного исследования становится «генеалогия».

С областью исторического знания граничит сфера политических исследований. В последние годы и в зарубежной, и в отечественной литературе большое внимание уделяется жанру истории политических языков, который связывают с «кембриджским методом» в истории идей [7, с. 7]. Отталкиваясь от работ К. Скиннера, Дж. Покока, М. Рихтера, Дж. Талли, а также их идейных предшественников Р. Козеллека, П. Козловски и А. О. Лавджоя¹, исследователи стремятся выяснить и посредством историко-философского подхода показать, как идеология, будучи особой формой языковой практики, легитимируется в текстах соответствующей эпохи. Тем самым историки идей стремятся прояснить природу дискурса, конституировавшего исторические формы властных отношений, а это, в свою очередь, способствует тому, что «даже в рамках философской традиции осознали, что политическое общество, изученное предметно (*in the concrete*), было светским и, следовательно, временным явлением» [9, р. 9]. Заметим, что понятие идеологии в рамках этого подхода лишено

¹ О развитии метода основных понятий истории (*Geschichtliche Grundbegriffe*) см.: [8].

какой-либо оценки — так предложено понимать установившийся и поддерживаемый многими авторами эпохи язык. Для сравнения отметим, что историко-философское знание может складываться также и под воздействием политической идеологии: например, в рамках истории русской философии оно формировалось не столько благодаря систематическому изучению западноевропейской философии, сколько именно в полемике идейных течений в связи с их отношением к идеологическим проблемам [10].

Уже работы Мишеля Фуко актуализировали перспективу «знание — власть» в качестве основополагающей тенденции новоевропейской науки о человеке и обществе. Фуко показал, что следующий шаг после эпистемологии делается в поле политического, а потому воля к власти синонимична воле к знанию: тот, кто формирует эпистемологические прорывы (перефразируя термин Гастона Башляра), кто вскрывает условности современной эпистемы, тот недалек от того, чтобы покуситься на актуальную политическую повестку. Вполне закономерно, что видные эпистемологи (достаточно привести для примера имена И. Канта, Дж. С. Милля, Б. Рассела, К. Поппера, М. Фуко) являются и влиятельными политическими мыслителями, а порой и деятелями. Вот почему историко-философская легитимация чрезвычайно востребована и в области гендерных исследований. Выведению их из поля маргинального дискурса способствовало точное определение места в истории мысли той или иной проблематики или оказанного влияния работ того или иного автора. В частности утверждается, что возвращение женщин-философов из забвения и безвестности требует исторического подхода, который не отделяет «историю философии» от «истории идей», но вместе с тем является более историческим и более всеобъемлющим. Соответственно, история философии рассматривается как возможность продуктивного диалога между философами разных эпох [11], критического взгляда на сложившийся андроцентрический мир, а также как история преодолений социальных и культурных препятствий на пути к образованию и научной деятельности [12, p. 561]. Некоторые говорят даже о возможности переосмысления (rereading) истории философии в феминистическом ключе [13, p. 43]. Мариса Бейт формулирует это вполне определенно: «Пролить свет на жизни женщин, чьи истории были столетиями намеренно забыты или сочтены недостойными внимания, само по себе уже акт феминизма» [14, с. 9].

От гендерной проблематики представляется логичным перейти к более широкой области наук о человеке — антропологии. Здесь можно выделить две основные «точки приложения» усилий историков философии. С одной стороны, историко-философская перспектива способствует выявлению или прояснению истоков национального самосознания. Например, поисковая и аналитическая работа историков философии позволяет уточнить ряд существенных моментов в связи с формированием и особенностями объема понятия *еврейская философия*. В частности, обнаруживается, что устоявшееся представление о еврейской философии является изобретением историков философии немецкого Просвещения, а вовсе не констатацией факта наличия непрерывной духовной или интеллектуальной традиции, идущей от античности к раннему новому времени [15]. Замечательно, что изучение истории мысли позволяет конкретизировать такие особенности национальных культур, которые в иных исследованиях не привлекли бы должного внимания, оставаясь на уровне культурных стереотипов [16].

С другой же стороны, труды историков философии позволяют актуализировать связи между сложившимися традициями философской мысли, выявить диалог различных интеллектуальных культур [17]. Некогда перед гуманитариями постсоветского пространства остро стояла проблема нехватки творческого общения, обмена мнениями: «Исследовательская литература остается в местах своего появления, не получая широкого распространения в научном сообществе. Ученые бывшего Советского Союза практически не знают о существовании друг друга, сохраняя только в рассказах старшего поколения угасающие воспоминания о “грузинской” традиции философии и психологии, “киевской” школе и т.п.» [18, с.6]. В связи с этим позволительно говорить о продолжении традиции «республики ученых», существовавшей как наднациональное объединение публичных интеллектуалов, которые с доверительной интонацией обсуждали волновавшие их проблемы. Кроме того, рецепция понятий и проблем, поставленных в конкретных языковых философских традициях средствами иных традиций, вне сомнения, обогащает философский дискурс и разрабатывает потенции локальных национальных школ и культур. Также следует указать на плодотворность усилий историков философии по введению в контекст актуальных исследований сравнительно молодых национальных или региональных традиций — это хорошо видно на примере такого активно развивающегося направления историко-философских и культурологических исследований, как африканская философия (*African studies, Africana philosophy*) [19–21]. Во многом это оказалось возможным благодаря развитию как философской компаративистики, подвергшей критике сложившийся в философских исследованиях европоцентризм [22, р.134], так и постколониальной проблематики в сфере не только культуры, но и публичной политики [23; 24].

Обратим внимание на то, что политическое постоянно присутствует в актуальном гуманитарном дискурсе — либо как концептуальный фон, либо становясь четко различимым лейтмотивом. Современные исследователи понимают политическую философию как типично современную арену философской мысли [25]. Трудно не усмотреть здесь параллели с кантовским *Kampfplatz*, хотя метафору «поля боя» кенигсбергский мыслитель применял прежде всего к диалектике [26, с.121]. Политические аспекты истории XX в. также пытаются раскрыть при помощи историко-философского анализа генеалогии политического. Для этого предлагаются порой необычные перспективы, например, рассматривающие отношения между естественным и моральным злом в качестве путеводной нити истории новейшей европейской философии, разворачивающейся между такими вехами, как Лиссабонское землетрясение 1755 г. и сооружение и эксплуатация в нацистской Германии концентрационных лагерей, символом которых является Аушвиц [27]. Историко-философская аргументация оказывается востребованной и в рамках актуальной политической и общественной повестки дня. Например, высокопоставленные сторонники природоохранных организаций, такие как бывший вице-президент США Альберт Гор, выстраивают прихотливую историко-философскую аргументацию, согласно которой философский дуализм Декарта заложил основу современного потребительского отношения человека к планете, поскольку наделенные душой и сознанием люди представляют собой онтологическую противоположность бездушному физическому телу Земли [28, р.217]. В связи с этим историки философии отмечают, что подобного рода мифы о «глубоком расхождении» души и тела,

сформировавшиеся в рамках картезианской метафизики, по-прежнему оказывают серьезное влияние на общественное сознание [29, с. 40].

Интересно также применение усилий историков философии и в областях на первый взгляд сугубо практических, примыкающих к рубрике политического. Например, Вильгельм Лемброк показывает, что изучение истории понятий «эмпирик» и «эмпирический» позволяет уточнить восприятие сельскохозяйственных наук и занятие ими в общественном сознании людей эпохи позднего Просвещения. Он утверждает, что «концептуальный переход этого термина (эмпирический. — А. Л.) отражает социальные конфликты и социальные изменения на более широком уровне. Таким образом, <...> истории понятий являются полезным и плодотворным инструментом исторического исследования» [30, S. 79]. Таким образом, именно с помощью исследований, реализуемых историками философии, мы видим взаимосвязь концептов на широких культурных уровнях — от кабинетных размышлений классиков западноевропейской мысли до отношения к определенным областям деятельности, формирующего культурные стереотипы и даже предрассудки.

История философии оказывается плодотворным полем для исследования философии не только в качестве теоретической дисциплины или теории науки, но и в практическом аспекте. Ставшие классическими работы французских историков и теоретиков культуры (таких как М. Фуко, П. Адо, М. Серр) позволили рассмотреть многие традиционно теоретические проблемы античной, современной, а также неевропейской философии в качестве особой практики, формирующей *modus vivendi* ее последователей. Замечательным тому примером может служить один из недавних специальных номеров высокорейтингового журнала «Metaphilosophy», посвященный философии как образу жизни [31]. Нельзя обойти вниманием также традиционные области прикладной философии, в частности, этику и педагогику, в которых историко-философская перспектива оказывается плодотворным подходом. Хорошо известно, что именно труды историков философии и филологов-классиков способствовали созданию и закреплению образовательного идеала, например, в рамках немецкой академической культуры [32–34]. Однако не менее справедливо и утверждение о том, что изучение каких бы то ни было образовательных традиций говорит о временах, в которые оно проводится, не меньше, а может быть и больше, чем о самом своем предмете исследования. Другими словами, работа исследователей образовательных практик, а также практик себя в иных культурах и эпохах, отличных от нашей современной (в данном случае *contemporary*, а не *modern*) сродни переводческой деятельности. Для примера достаточно взять любой антропологический источник, который, например, касается образа жизни некоего коренного народа Южной Америки или повседневности и быта русской женщины конца XIX в., — оговорки и замечания, сводящиеся к противопоставлению того общества или различных типов ролей (семейных, деловых, ритуальных и проч.) в нем, окажутся весьма характерным приемом для того, чтобы мы почувствовали дистанцию, отделяющую нас от этого общества. Соответственно, необходимо уметь анализировать сложившиеся идеалы (в нашем конкретном случае) образовательных программ таким образом, чтобы были отчетливы различимы и концептуальные связи между ними, и при этом была бы зафиксирована ощущаемая нами разница культур. Историко-философский подход как раз способствует такой стратегии, и многие исследователи обращают внимание на то, что современные обра-

зовательные и воспитательные практики прочно связаны с контекстом национальной истории мысли. В частности, интересное предложение по развитию проекта американской системы высшего образования было предложено именно историком философии, обратившим внимание на оригинальную поэтико-философскую стратегию «поэтики переноса» (*poetics of transition*), творчески объединившую усилия Ральфа Эмерсона и Уильяма Джемса по обоснованию либерального образовательного подхода [35].

Наконец, еще одной важной областью гуманитарного знания, в котором чрезвычайно востребованы штудии историков философии, является теология — в том виде как она сложилась в качестве академической дисциплины в различных конфессиях западного христианства. Здесь необходимо оговориться: мы различаем религиоведение (*religious studies*), теологию (*theology*) и философию религии (*philosophy of religion*, *Religionsphilosophie*) не только формально, но и главным образом методологически. В этом смысле мы не будем рассматривать самостоятельную область религиоведческих исследований: используя методы, характерные и широко применимые в исторических науках, исследователи-религиоведы, конечно, *сами* нередко являются знатоками различных историко-философских аспектов духовных традиций или обстоятельств развития тех или иных ересей. Однако в задачи настоящей статьи не входит анализ самостоятельной, изначально основанной на принципе историзма и исповедующей исторический подход к исследованию интересующих ее предметов дисциплине [36, с. 14–19]. Мы обратимся к теологии и философии религии, где концептуальный анализ различных понятий и проблем историками философии как представителями *стороннего поля* исследований нередко оказывает существенную помощь в развитии данных областей знания.

В области теологической одним из наиболее ярких примеров замечательного творческого союза историков философии (прежде всего работающих в области античной традиции) с протестантскими богословами представляет собой «Теологический словарь Нового Завета», составленный по-немецки в 1940-е годы Герхардом Киттелем и Герхардом Фридрихом, а впоследствии переведенный и многократно изданный, в том числе и в сокращенных вариантах, по-английски (под редакцией Джеффри Бромлея) [37]. Это издание известно в среде как библеистов и гебраистов, так и исследователей древнегреческой философии, а также историков понятий. Однако имеют место и более, так сказать, авторские работы, в которых исследователи прибегают для обоснования своих тезисов к разработанному историками философии инструментарию. Так, например, большая работа по истории и концептуальному осмыслению в христианском (протестантском) ключе понятия *мировоззрение* (*Weltanschauung*), проведенная Дэвидом Ногелем, не лишена отчетливой историко-философской составляющей [38]. Это касается как тщательно проведенной розыскной работы по истории понятия, обращения к различным словарям и справочным изданиям, и иногда и сугубо историографическим сочинениям, так и сознательно избранного исторического подхода к обоснованию идеи христианского мировоззрения. Любопытно, что основное внимание автор уделяет разработке понятий *worldview* и *Weltanschauung* в англо-американской и немецкой культурах соответственно. Разумеется, он отсылает к тем или иным исследованиям, касающимся рецепции этого понятия в славянских, например, языках, однако полностью игнорирует историю развития мировоз-

зренческой проблематики в контексте локальных историй философии — например, русской, где концепты *мировоззрение*, *миросозерцание*, *мировосприятие* также оказываются чрезвычайно востребованными и ожидающими своего анализа. Нашей целью не является критиковать Д. К. Ногеля; мы хотели бы указать только на одну характерную особенность: предлагая свою версию «христианского мировоззрения», которое он обосновывает через библейский концепт сердца [39, с. 20], он бессознательно приближается к идеям русского религиозного мыслителя Памфила Юркевича, подробно развивавшего эту идею еще в середине XIX в. [40]. Это интересное обстоятельство лишь подчеркивает значимость и плодотворность историко-философской работы для концептуального прояснения теологического дискурса.

Нельзя также не отметить и исследования философии и истории нехристианских религий — здесь труд историков философии играет вовсе не только вспомогательную роль. Особенно это становится заметно, когда мы сталкиваемся с работами, граничащими с философской компаративистикой. В частности, применение компаративного подхода оказывается неизбежным, когда речь идет о специфической терминологии духовных традиций Китая, соединяющихся с христианством в причудливую и оригинальную систему верований. В таком случае перед нами сложный комплекс, состоящий из элементов разнородных ценностных контекстов, смысл и полноту которых предстоит проинтерпретировать специалистам по «приключениям» слов и понятий в истории мысли — несмотря на то, что сино-христианство как культурное и религиозное явление возникает только с конца 1980-х годов [41]. Пожалуй, то же самое можно сказать и о традиции исламской мысли: без подробного историко-философского комментария невозможно не только осуществить плодотворный диалог культур, который касается восприятия духовных текстов ислама носителями западноевропейского сознания, но и перебросить герменевтический мостик к представителям современного исламского общества. Важно отметить, что классические средневековые исламские тексты при анализе обнаруживают многочисленные и глубокие влияния со стороны эллинистического мира и, в частности, греческой александрийской философии [42, р. 1–3]. Все эти особенности позволяет раскрыть и осознать разработанная историками философии критика понятий.

Заключение

Философия обладает важным инструментарием и методологическим потенциалом, которые оказываются востребованы не только академическими дисциплинами, но и обществом. Философия очень эффективна в прояснении смысла тех или иных концептов, разграничении нормативного и эмпирического, определении того, касаются ли различия в позициях участников дискуссий словоупотребления или же они отличны по существу [43, р. 481–482].

История философии, хотя и продолжает порой восприниматься как дисциплина вспомогательная по отношению к свободному философскому творчеству, является тем не менее прочным основанием для важнейшей задачи философии: прояснения концептов. Историко-философская составляющая является неотъемлемой частью исследований в самых разных отраслях современной академи-

ческой философии на правах особой «матчасти» различных исследовательских областей и даже, как мы видели, выходит за ее пределы, распространяясь на прочие гуманитарные науки. Вклад историков философии в развитие смежных и не примыкающих непосредственно к философии гуманитарных наук существенен. В связи с этим полезно помнить, что всякое понятие или идея могут и должны восприниматься как крепко связанные с родными для них культурными особенностями артикуляции тех или иных фундаментальных смыслов. Именно в реконструкции такой генеалогии смыслов историки философии демонстрируют важность своего ремесла. Именно поэтому — и мы вернемся здесь к тому примеру, с которого начали — современные философы вне зависимости от своей специализации и профессиональных интересов огромное значение придают историко-философской работе.

Литература

1. Bourget, D. and Chalmers, D. (2013), *What Do Philosophers Believe?* URL: <https://philpapers.org/archive/bouwdp> (дата обращения: 20.04.2021).
2. *Graphing the history of philosophy* (2015). URL: <http://www.coppelia.io/wp-content/uploads/2015/08/philprettyv4.png> (дата обращения: 20.04.2021).
3. Noichl, M. (2019), Modeling the structure of recent philosophy, *Synthese*, vol. 198, pp. 5089–5100. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-019-02390-8> (дата обращения: 20.04.2021).
4. Жмудь, Л. Я. (2012), *Пифагор и ранние пифагорейцы*, М.: Университет Дмитрия Пожарского, Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
5. Козлов, С. Л. (2020), *Имплантация. Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции*, М.: Новое литературное обозрение.
6. Edelstein, D. (2010), *The Enlightenment. A Genealogy*, Chicago and London: The University of Chicago Press.
7. Атнашев, Т. и Велижев, М. (2018), Кембриджская школа: история и метод, в *Атнашев, Т. и Велижев, М. (сост.), Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*, М.: Новое литературное обозрение, с. 7–50.
8. Richter, M. (1996), Opening a Dialogue and Recognizing an Achievement: A Washington Conference on the «Geschichtliche Grundbegriffe», *Archiv für Begriffsgeschichte*, vol. 39, pp. 19–26.
9. Pocock, J. G. A. (1975), *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
10. Быстров, В. Ю. и Камнев, В. М. (2019), Историки философии и идеология: русский опыт, *Studia Culturae*, № 41, с. 18–30.
11. Hutton, S. (2015), «Blue-Eyed Philosophers Born on Wednesdays»: An Essay on Women and History of Philosophy, *The Monist*, vol. 98, no. 1, The History of Women's Ideas, p. 7–20.
12. Heinämaa, S. (2016), Hermeneutics and Feminist philosophy, in Keane, N. and Lawn, C. (eds), *The Blackwell Companion to Hermeneutics*, Oxford: Blackwell Publishing Ltd, p. 557–573.
13. Schott, R. M. (2007), Feminism and the History of Philosophy, in Alkoff, L. M. and Kittay, E. F. (eds), *The Blackwell Guide to Feminist Philosophy*, Oxford: Blackwell Publishing Ltd, p. 43–63.
14. Бейт, М. (2021), *Периодическая таблица феминизма*, М.: Ад Маргинем Пресс.
15. Westerkamp, D. (2008), The Platonic Distinction: German Enlightenment Historiography of Jewish Thought, *History and Theory*, vol. 47, p. 533–559.
16. Stern, J. (2017), What a Jewish Philosophy Might Be (If It Exists): A View from the Middle Ages, in *Iyyun: The Jerusalem Philosophical Quarterly / רבעון פיליזופי*, vol. 66, p. 227–257.
17. Serebriany, S. (2016), The Concept of “Indian Philosophy” as a Product of Intercultural Dialogue (Wilhelm Halbfass's *India and Europe* Revisited), *Politeja*, no. 40, p. 227–252.
18. Крупнин, Г. Н. (2001), Республика ученых, в Марков, Б. В., Солонин, Ю. Н. и Парцвания, В. В. (ред.), *Отчуждение человека в перспективе глобализации мира*, вып. 1, СПб.: Петрополис, с. 5–7.
19. Graness, A. (2016), Writing the history of philosophy in Africa: where to begin? *Journal of African Cultural Studies*, vol. 28, no. 2, p. 132–146.
20. Radford-Curry, V. (2013), The Reality of Black Philosophy, *The Black Scholar*, vol. 43, no. 4, p. 146–151.

21. Curry, T. J. (2011), The Derelictical Crisis of African American Philosophy: How African American Philosophy Fails to Contribute to the Study of African-Descended People, *Journal of Black Studies*, vol. 42, no. 3, p. 314–333.
22. Goto-Jones, C. (2013), What is (Comparative) Philosophy? in *Philosophy*, vol. 88, no. 343, p. 133–140.
23. Beuchot, M. (1998), *The History of Philosophy in Colonial Mexico*, Washington, D.C.: The Catholic University of America Press.
24. Rettová, A. (2016), African philosophy as a radical critique, *Journal of African Cultural Studies*, vol. 28, no. 2, p. 127–131.
25. Chen, Y., Wang, X. and Teng, J. (2006), Revival and Significance of Political Philosophy at Present Time, *Frontiers of Philosophy in China*, vol. 1, no. 3, p. 506–515.
26. Еременко, О. М. и Огороков, В. Б. (2020), Метафористика «критики чистого разума», *Научно-теоретический альманах «Грани»*, т. 1, № 4, с. 118–131.
27. Neiman, S. (2015), *Evil in Modern Thought: An Alternative History of Philosophy*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
28. Gore, A. (2007), *Earth in the Balance. Forging a New Common Purpose*, New York: Earthscan.
29. Готтлиб, Э. (2020), *Мечта о Просвещении. Рассвет философии Нового времени*, М.: Альпина нон-фикшн.
30. Lehmbruck, V. (2016), Zur Geschichte einer Metakategorie: Das ‚Empirische‘ in der deutschen Ökonomischen Aufklärung und frühen Agrarwissenschaftum 1800, *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, vol. 39, S. 79–98.
31. Ambury, J. M., Irani, T. and Wallace, K. (eds) (2020), *Metaphilosophy. Special is.: Philosophy as a Way of Life*, vol. 51, no. 2–3, p. 159–482.
32. Рингер, Ф. (2008), *Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933*, М.: Новое литературное обозрение.
33. Львов, А. А. (2019), Конкуренция мировоззрений в сфере образования, в Осипов, И. Д. и Погодин, С. Н. (ред.), *Философия образования. История и современность*, СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, с. 46–66.
34. Elsner, J. (2013), Paideia: Ancient Concept and Modern Reception, *International Journal of the Classical Tradition*, vol. 20, no. 4, p. 136–152.
35. Meehan, S. R. (2016), Metonymies of Mind: Ralph Waldo Emerson, William James, and the Rhetoric of Liberal Education, *Philosophy & Rhetoric*, vol. 49, no. 3, p. 277–299.
36. Барашков, В. В., Дамте, Д. С. и Панина, С. А. (2018), *У истоков религиоведения: Из истории зарубежного религиоведения XIX — первой половины XX веков*, М.: ЛЕЛАНД.
37. Kittel, G., Friedrich, G. and Bromiley, G. W. (eds) (1985), *Theological Dictionary of the New Testament*, *Devon*, Exeter, Devon: The Paternoster Press.
38. Naugle, D. K. (2002), *Worldview: the History of a Concept*, Grand Rapids: W. B. Eerdmans.
39. Львов, А. А. (2020), Современные концепции феномена мировоззрения, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, т. 21, № 2, с. 11–23.
40. Юркевич, П. Д. (1990), Сердце и его значение в духовной жизни человека, в Юркевич, П. Д., *Сочинения*, М.: Правда, с. 69–103.
41. Lai, P. and Lam, J. (eds) (2010), *Sino-Christian Theology: A Theological Qua Cultural Movement in Contemporary China*, Frankfurt a. M. et al.: Peter Lang AG.
42. Nasr, S. H., Aminrazavi, M. (eds) (2010), *An Anthology of Philosophy in Persia, vol. 3: Philosophical Theology in the Middle Ages and Beyond from Mu'tazilī and Ash'arī to Shī'ī Texts*, London, New York: I. B. Tauris & Co Ltd.
43. Hansson, S. O. (2008), Philosophy and Other Disciplines, *Metaphilosophy*, vol. 39, no. 4/5, p. 472–483.

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2021 г.;
рекомендована в печать 25 июня 2021 г.

Контактная информация:

Львов Александр Александрович — канд. филос. наук, доц.; a.lvov@spbu.ru

The specificity of historical-philosophical research in the Humanities*

A. A. Lvov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Lvov A. A. The specificity of historical-philosophical research in the Humanities. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 3, pp. 449–463. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.307> (In Russian)

In interdisciplinary contemporary science, knowledge is obtained from a close collaboration of specialists with various competences. Philosophy appears to be effective in clarifying the meaning of concepts, discerning the normative and the empirical, determining whether the differences in the positions of the participants depend on how they use words or the essence of the argument. Philosophers actively help to develop various fields of the humanities and social sciences and they are in demand in the sciences. They admit themselves that the history of philosophy is the unifying factor for all the areas, although the areas of their research are diverse. The article considers the question of whether it is possible to talk about a specific influence exerted by professional historians of philosophy on other disciplines. Restricted to the humanities, it traces the streams that exist in the dialogue between the humanities and historical-philosophical studies, and also considers what contribution the historians of philosophy make in the field of historical sciences, in various areas of political research, in gender studies, anthropology, theology and religious philosophy, as well as the articulation of practical philosophy as a way of life. Despite the fact that the history of philosophy is thought of as an auxiliary discipline, the contribution of the historians of philosophy to the development of related and indirectly related fields of scholarship is significant: they reconstruct the genealogy of meaning and as a result, the concepts or ideas are clarified within their native cultural environment.

Keywords: historians of philosophy, genealogy of meaning, the Humanities, interdisciplinarity, academic philosophy, practical philosophy.

References

1. Bourget, D. and Chalmers, D. (2013), *What Do Philosophers Believe?* Available at: <https://philpapers.org/archive/bouwdp> (accessed: 20.04.2021).
2. *Graphing the history of philosophy*, 2015. Available at: <http://www.coppelia.io/wp-content/uploads/2015/08/philprettyv4.png> (accessed date: 20.04.2021).
3. Noichl, M. (2019), *Modeling the structure of recent philosophy*, Synthese. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-019-02390-8> (accessed: 20.04.2021).
4. Zhmud', L. Ia. (2012), *Pythagoras and Early Pythagorians*, Moscow: Dmitri Pozharsky University, Russian Foundation for Support of Education and Science. (In Russian)
5. Kozlov, S. L. (2020), *The Sketches of Genealogy of Historical-Philological Scholarship in France*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
6. Edelstein, D. (2010), *The Enlightenment. A Genealogy*, Chicago and London: The University of Chicago Press.
7. Atnashev, T. and Velizhev, M. (2018), The Cambridge School: History and Method, in Atnashev, T. and Velizhev, M (eds), *The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 7–50. (In Russian)
8. Richter, M. (1996), Opening a Dialogue and Recognizing an Achievement: A Washington Conference on the “Geschichtliche Grundbegriffe”, *Archiv für Begriffsgeschichte*, vol. 39, pp. 19–26.
9. Pocock, J. G. A. (1975), *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01440 “Anthropological dimension of the history of philosophy”).

10. Bystrov, V. Iu. and Kamnev, V. M. (2019), The Historians of Philosophy and Ideology: Russian Experience, *Studia Culturae*, no. 41, pp. 18–30. (In Russian)
11. Hutton, S. (2015), “Blue-Eyed Philosophers Born on Wednesdays”: An Essay on Women and History of Philosophy, *The Monist*, vol. 98, no. 1, The History of Women’s Ideas, pp. 7–20.
12. Heinämaa, S. (2016), Hermeneutics and Feminist philosophy, in Keane, N. and Lawn, C. (eds), *The Blackwell Companion to Hermeneutics*, Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 557–573.
13. Schott, R. M. (2007), Feminism and the History of Philosophy, in Alkoff, L. M. and Kittay, E. F. (eds), *The Blackwell Guide to Feminist Philosophy*, Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 43–63.
14. Bate, M. (2021), *The Periodic Table of Feminism*, Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian)
15. Westerkamp, D. (2008), The Platonic Distinction: German Enlightenment Historiography of Jewish Thought, *History and Theory*, vol. 47, pp. 533–559.
16. Stern, J. (2017), What a Jewish Philosophy Might Be (If It Exists): A View from the Middle Ages, in *Iyyun: The Jerusalem Philosophical Quarterly / עיון: רבעון פילוסופי*, vol. 66, pp. 227–257.
17. Serebriany, S. (2016), The Concept of “Indian Philosophy” as a Product of Intercultural Dialogue (Wilhelm Halbfass’s *India and Europe* Revisited), in *Politeja*, no. 40, pp. 227–252.
18. Krupnin, G. N. (2001), The Republic of Letters, in Markov, B. V., Solonin, Yu. N. and Partsvaniya, V. V. (eds), *The Alienation of Man in the Perspective of the World Globalization*, is. 1, St Petersburg: Petropolis Publ., pp. 5–7. (In Russian)
19. Graness, A. (2016), Writing the history of philosophy in Africa: where to begin? *Journal of African Cultural Studies*, vol. 28, no. 2, pp. 132–146.
20. Radford-Curry, B. (2013), The Reality of Black Philosophy, *The Black Scholar*, vol. 43, no. 4, pp. 146–151.
21. Curry, T. J. (2011), The Derelictical Crisis of African American Philosophy: How African American Philosophy Fails to Contribute to the Study of African-Descended People, *Journal of Black Studies*, vol. 42, no. 3, pp. 314–333.
22. Goto-Jones, C. (2013), What is (Comparative) Philosophy? in *Philosophy*, vol. 88, no. 343, pp. 133–140.
23. Beuchot, M. (1998), *The History of Philosophy in Colonial Mexico*, Washington, D.C.: The Catholic University of America Press.
24. Rettová, A. (2016), African philosophy as a radical critique, *Journal of African Cultural Studies*, vol. 28, no. 2, pp. 127–131.
25. Chen, Y., Wang, X. and Teng, J. (2006), Revival and Significance of Political Philosophy at Present Time, in *Frontiers of Philosophy in China*, vol. 1, no. 3, pp. 506–515.
26. Yeremenko, O. M. and Okorokov, V. B. (2020). Metaphorics of “critique of pure reason”, *Scientific and theoretical almanac «Grani»*, vol. 23, no. 4, 118–131. (In Russian)
27. Neiman, S. (2015), *Evil in Modern Thought: An Alternative History of Philosophy*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
28. Gore, A. (2007), *Earth in the Balance. Forging a New Common Purpose*, New York: Earthscan.
29. Gottlieb, E. (2020), *The Dream of Enlightenment. The Rise of Modern Philosophy*, Moscow: Al’pina non-fikshn. (In Russian)
30. Lehmbrock, V. (2016), Zur Geschichte einer Metakategorie: Das ‚Empirische‘ in der deutschen Ökonomischen Aufklärung und frühen Agrarwissenschaftum 1800, *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, vol. 39, S. 79–98.
31. Ambury, J. M., Irani, T., Wallace, K. (eds) (2020), *Metaphilosophy. Special is.: Philosophy as a Way of Life*, vol. 51, no. 2–3, pp. 159–482.
32. Ringer, F. (2008), *The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community 1890–1933*, in Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
33. Lvov, A. A. (2019), The Competition of Worldviews in the Sphere of Education, in Osipov I. D. and Pogodin S. N. (eds), *Philosophy of Education. History and Modernity*, St Petersburg: POLITEKh-PRESS, pp. 46–66. (In Russian)
34. Elsner, J. (2013), Paideia: Ancient Concept and Modern Reception, *International Journal of the Classical Tradition*, vol. 20, no. 4, pp. 136–152.
35. Meehan, S. R. (2016), Metonymies of Mind: Ralph Waldo Emerson, William James, and the Rhetoric of Liberal Education, *Philosophy & Rhetoric*, vol. 49, no. 3, pp. 277–299.
36. Barashkov, V. V., Damte, D. S., Panina, S. A. (2018), *At the Origins of Religious Studies: From the History of Foreign Religious Studies XIX — first part XX centuries*, Moscow: LELAND. (In Russian)
37. Kittel, G., Friedrich, G. and Bromiley, G. W. (eds) (1985), *Theological Dictionary of the New Testament*. Devon, Exeter, Devon: The Paternoster Press.
38. Naugle, D. K. (2002), *Worldview: the History of a Concept*, Grand Rapids: W. B. Eerdmans.

39. Lvov, A. A. (2020), The Current Conceptions of the Worldview Phenomenon, *Review of THE Christian Academy for the Humanities*, vol. 21, no. 2, pp. 11–23. (In Russian)
40. Yurkevich, P.D. (1990), Heart and its Meaning in the Spiritual Life of Man, in Yurkevich, P.D, *Sochineniia*, Moscow: Pravda Publ., pp. 69–103. (In Russian)
41. Lai, P. and Lam, J. (eds) (2010), *Sino-Christian Theology: A Theological Qua Cultural Movement in Contemporary China*, Frankfurt a. M. et al.: Peter Lang AG.
42. Nasr, S. H. and Aminrazavi, M. (eds.) (2010), *An Anthology of Philosophy in Persia. Volume 3: Philosophical Theology in the Middle Ages and Beyond from Mu‘tazili and Ash‘ari to Shi‘i Texts*, London and New York: I. B. Tauris & Co Ltd.
43. Hansson, S.O. (2008), Philosophy and Other Disciplines, *Metaphilosophy*, vol. 39, no. 4/5, pp. 472–483.

Received: February 5, 2021

Accepted: June 25, 2021

Author’s information:

Alexander A. Lvov — PhD in Philosophy, Associate Professor; a.lvov@spbu.ru